

ГЛАВА 1

Бойцы, столпившиеся на площадке возле железнодорожного депо Ростова, поздравляли друг друга с победой: только что пришло сообщение, что немецкие войска оставляют город. Это означало, что Красная Армия выиграла битву за Кавказ.

Капитан Глеб Шубин, услышав эту новость, испытал огромную радость. «Вот и кончилось наше сражение за Ростов, — подумал он. — Теперь точно можно будет отдохнуть. Полковник Уколов грозился дать мне трехдневный отпуск. Теперь я от него отказываться не буду. Надо будет отыскать Катю Измайлову... Последнее письмо от нее пришло из Котельникова. Что ж, съезжу в Котельниково, это недалеко. Но прежде надо будет себе форму подыскать...»

Дело в том, что Шубин отправился сражаться за Ростов сразу после своего бегства из немецкого плена. Бежал он в форме лейтенанта, которую ему дали немцы. И до сих пор носил лейтенантские погоны. Он считал, что в бою это совсем не

важно. Но вот теперь настало время позаботиться о своем внешнем виде.

Так Шубин размышлял, стоя среди солдат своей роты, когда на площадку перед депо въехал «Виллис». В машине сидел незнакомый Шубину лейтенант. Выйдя из машины, лейтенант строгим голосом спросил:

— Кто здесь капитан Шубин? Мне срочно необходимо его видеть.

Поскольку Шубин раньше не видел этого человека в штабе Южного фронта, да и «Виллиса» такого у генерала Еременко не было, он удивился. Однако шагнул вперед и сказал:

— Я Шубин. Какое ко мне дело?

Приезжий лейтенант окинул разведчика цепким взглядом. Он сразу заметил на его погонах скромные лейтенантские, а не капитанские звездочки, заметил поношенную, кое-где порванную форму, кровавый след на щеке (Шубина все же задело пулей, когда их обстреливали во время атаки). И в то же время он отметил уверенность разведчика, его бывалый вид.

— Я лейтенант Соколов, адъютант командующего отдельной танковой группой Юго-Западного фронта генерала Попова, — представился приезжий. — Относительно вас, товарищ капитан, издан приказ, подписанный вашим командующим фронтом генералом Еременко. С этого момента вы переводитесь с Южного фронта на

Юго-Западный и поступаете под командование генерала Попова. И мне поручено проводить вас на новое место службы.

Удивлению Шубина не было предела.

— Что значит «новое место службы»? — спросил он. — И почему меня нужно туда провожать? Я и сам могу добраться до штаба фронта. Только сначала мне нужно увидеться со своим начальником полковником Уколовым. Да и с командующим фронтом генералом Еременко неплохо бы повстречаться, хотя он меня и передал на другой фронт. Он говорил, чтобы я лично доложил ему о выполнении своего задания в Ростове. А я не доложил, не успел...

— Ни с Уколовым, ни с Еременко вам повстречаться не удастся, — категорически заявил Соколов. — Я не могу вам обо всем сейчас рассказывать, тут дело секретное, тем более у нас с вами совсем нет времени. Генерал Попов требовал, чтобы мы уже через два часа были у него в штабе.

— Как это — «через два часа»? — удивился Шубин. — Даже если мы поедем на твоей машине, все равно полдня будем ехать...

— Нет, мы поедем не на машине. На машине мы доедем только до аэродрома. А там нас ждет «Дуглас», который и доставит нас в Купянск. У нас каждая минута на счету!

— Но почему такая срочность?

— Этого я вам сказать не могу, — твердо сказал Соколов. — Это военная тайна. Вы же разведчик, должны знать, что такое военная тайна. Необходимые сведения вам сообщат на месте.

Да, что такое тайна, Шубин знал хорошо. Только теперь до него стало доходить, какая важная перемена происходит в его жизни. Спорить, возражать дальше уже не имело смысла. Шубин только указал на свои лейтенантские погоны, сказал:

— Может, я хотя бы форму успею сменить? А то представляться новому начальству в таком виде как-то неудобно...

— Где же вы ее здесь смените? — удивился Соколов. — Ваш фронт за двое суток почти сто пятьдесят километров прошел, тылы отстали. Тут неизвестно, когда кашу для солдат успеют подвезти, а вы говорите «форма». Вот на место прибудем, там и переоденетесь. Не беспокойтесь: в таком виде я вас к командиру не поведу. Генерал Попов, правда, не такой аккуратист, не требует, чтобы во время боя у подчиненных все пуговицы были начищены. Но все равно расхлябанности он не любит.

— Понятно... — протянул Шубин.

Сказанное приезжим лейтенантом ему, в общем, пришлось по душе. Подход к дисциплине его нового начальника генерала Попова ему нравился. Шубин встречал на войне таких аккура-

тистов, которые требовали соблюдения всех правил, что бы ни творилось вокруг. Возможно, такая твердость заслуживала уважения, но ему был ближе другой стиль: парадная одежда — для парада, а в боевой обстановке хорошо, если успел штаны надеть. В этом вопросе он полностью сошелся с точкой зрения командующего Южным фронтом генерала Еременко.

— Ладно, если нельзя переодеться, — сказал Шубин, — то надо хотя бы сдать командование ротой. Не могу же я людей бросить!

И, не дожидаясь ответа приезжего, он подошел к сержанту Рябову и сказал:

— Такие дела, сержант. Придется тебе принять командование ротой. Я срочно убываю на новое место службы, а лейтенанта, как ты сам мне сказал, только что убили. Доложишь комполка майору Зорину, почему так вышло. А уж он решит, оставить тебя во главе роты или надо прислать офицера. Прощай!

Они с Рябовым крепко пожали друг другу руки. Недолго они воевали вместе — и суток не прошло. Но на фронте люди быстро сближаются. Вот и Шубин чувствовал привязанность к сержанту Ивану Рябову. Кроме того, он понимал, что уже не успеет попрощаться ни с кем из тех, с кем воевал здесь уже полгода. Так что в лице сержанта Рябова он прощался со всем Южным фронтом.

Попрощавшись с сержантом, Шубин сел в машину и сказал:

— Ну, я готов.

Соколов тоже сел на свое место и дал водителю указание:

— На аэродром.

Машина развернулась и поехала по направлению к аэродрому Ростова. Когда они приехали на аэродром, Соколов дал водителю указание выехать непосредственно на летное поле и подъехать к самолету.

— А к какому мне самолету подъезжать, товарищ лейтенант? — спросил водитель. — Тут их вон штук восемь...

— Тебе нужен транспортный «Дуглас», готовый к взлету, — объяснил Соколов. — То есть у которого уже винты вращаются.

Водитель немного проехал по полю аэродрома, а затем радостно воскликнул:

— Вижу такой самолет! Вот он!

— Поезжай к нему, — скомандовал Соколов. — Прямо к трапу. Когда мы сядем, ты тоже езжай в Купянск, только своим ходом на автомобиле. К завтрашнему утру жду тебя в штабе. Ясно?

И, отдав все необходимые распоряжения, адъютант командующего танковой группой вышел из машины и направился к трапу самолета. Шубин шел за ним. Поднимаясь на борт «Дугла-

са», он старался вспомнить, когда ему в последний раз доводилось летать на самолетах. Давно же это было! Пожалуй, в 1941 году...

Когда два офицера вошли в самолет, то обнаружили, что, кроме них, этим бортом полетят еще несколько человек. В основном это были офицеры-танкисты. А в грузовом отделении Шубин заметил запчасти для танков и «катюш», из чего он сделал вывод, что не только его одного спешно перебрасывают с Южного на Юго-Западный фронт. «Кажется, там, на этом фронте, предстоят какие-то важные дела, — размышлял он. — Стало быть, это хорошо, что меня туда переводят, хотя и не спросив на этот счет моего мнения, ничего не рассказав».

В нем нарастало радостное возбуждение, которое он всегда испытывал, если предстояло какое-то важное и опасное дело. Ведь не будут же его, опытного разведчика, просто так спешно перебрасывать с фронта на фронт! Значит, главные военные события в ближайшее время произойдут здесь, на Осколе и Северском Донце, а не на берегах Дона и Азовского моря.

В Купянск они прилетели уже под вечер. Поскольку с машиной лейтенант Соколов расстался в Ростове, Шубин предполагал, что на новом месте им придется тащиться до штаба на своих двоих. Впрочем, его это ничуть не пугало — он привык много ходить пешком.

Однако оказалось, что он ошибся. Когда они вышли из самолета, то обнаружили ожидавшую их машину — на этот раз «Бьюик». «Вот это да! — подумал Шубин. — Неплохие ресурсы у них тут собраны!»

Машина повезла их по улицам Купянска, и Шубин заметил, что город не очень пострадал от боевых действий — большинство домов стояли целые, даже стекла в окнах сохранились. И он спросил об этом своего спутника.

— А почему город не разрушен? Немцы что, без боя здесь отошли?

— Можно сказать и так, — ответил Соколов. — Мы их уже двести километров гоним, от самой Новой Калитвы. Мы уже и Оскол форсировали, и легко форсировали, без больших потерь. И к северу от нас такая же картина: там 3-я танковая армия генерала Рыбалко гонит фрицев, так что у них только пятки сверкают. Можно сказать, что противник полностью деморализован. Поэтому у нашего командования и возникли планы таких решительных действий. Но я что-то слишком разговорился: о планах вам сам генерал расскажет, как только приедем в штаб.

После того, как Шубина доставили к новому месту службы на самолете, как какого-нибудь генерала, и после того, как к трапу подали отличную машину, он ожидал, что штаб генерала Попова будет располагаться не иначе как в са-

мом красивом здании Купянска. Однако они проехали центр города не останавливаясь и теперь двигались по окраинным улицам. Наконец машина остановилась у крепкого, но невзрачного домика.

— Не слишком большое помещение у вашего штаба, — заметил Шубин, выходя из машины.

— А нам большое и не нужно, — ответил Соколов. — Мы в Купянске долго не задержимся. Здесь останется штаб фронта, а мы уже завтра передислоцируемся в Изюм.

Они поднялись на крыльцо и вошли в штаб. Как видно, Соколова здесь хорошо знали: часовые его ни о чем не спросили, только отдали ему честь. Пройдя помещение, Соколов уверенно открыл дверь в следующую комнату и пропустил вперед Шубина. А когда они вошли, доложил:

— Товарищ генерал, капитан Шубин прибыл!

Разведчик окинул взглядом помещение, в котором оказался. Сразу было видно, что еще несколько дней назад это была какая-то контора: у стен стояли шкафы, набитые папками, в угол были сдвинуты несколько столов. О том, что здесь расположен штаб крупного военного формирования, говорили только два предмета: стенд, к которому была прикреплена большая карта местности, и отдельный столик со стоящими на нем пятью телефонами. В центре стоял стол для совещаний, за ним сидели два человека. На од-

ном, высокого роста, черноволосом, стройном, был китель с генеральскими погонами, так что не приходилось сомневаться в том, что именно он и есть командующий танковой группой генерал Попов, и это к нему обращался Соколов. Но и помимо формы многое говорило о том, что перед Шубиным — крупный военачальник. Волевое лицо, крепко сжатый рот, со складками у уголков, умные глаза с жестким взглядом — все выдавало в нем человека, привыкшего отдавать приказы, принимать решения, определяющие судьбы сотен людей.

На втором человеке, сидевшем за столом, был полковничий мундир, и вид у него был не такой воинственный — он был похож скорее на профессора, чем на военного. «Значит, это начальник штаба», — определил Шубин.

Человек в генеральском мундире поднял глаза и встретился глазами с Шубиным. Минуту, не меньше, он ничего не говорил, только изучал разведчика, осматривал его с ног до головы. Тут Шубин вспомнил, что на нем чужой мундир с лейтенантскими погонами, что он потный, грязный, со следом от пули на щеке. «Черт, так и не дали мне переодеться!» — подумал он с досадой.

Но вот генерал Попов закончил изучать гостя и произнес густым баритоном, почти переходящим в бас:

— Значит, это ты Шубин? Хорошо... Видишь ли, Шубин, мне нужен начальник армейской разведки. Прежний мой главный разведчик, Коля Еремин, отличный был мужик, но два дня назад неудачно подставился под немецкую пулю. К счастью, не насмерть, но месяц нахождения в госпитале ему обеспечен. А мне без главного разведчика сейчас никак нельзя — важные дела предстоят. А о тебе хорошо отзываются с прежних мест. Прямо очень хорошо. Вот я и решил выпросить тебя у Еременко, даже не видя. Скажи: ты готов решать крайне сложные и крайне опасные задачи?

— Готов, товарищ генерал, — не задумываясь ответил разведчик.

— Значит, готов. Это хорошо. Тогда познакомься с моим начальником штаба Егором Трифоновичем Лебедевым.

Шубин шагнул вперед, и они с полковником обменялись рукопожатиями.

— Ну вот, теперь иди сюда и слушай внимательно, — продолжал Попов. — Буду объяснять тебе обстановку и ставить боевую задачу. Сведения, которые я тебе сообщу, являются совершенно секретными — как в ноябре прошлого года был секретом план наступления под Сталинградом.

Шубин подошел к карте; то же самое сделал и генерал.

— Вот, видишь, мы находимся в Купянске, — начал он свою «вводную». — А еще пять дней назад были в Новой Калитве. То есть немцы отступают всюду, не отступают, а просто бегут. И как успел выяснить мой разведчик Коля Еремин, сил у них здесь мало. Основная сила, которая защищает весь этот район, — группа «Ланц». А у нее всего сорок тысяч бойцов! Сушая ерунда. А главное — у немцев почти не осталось танков. Вот почему у нашего командования возник план — устроить фрицам здесь, между Северским Донцом и Днепром, второй Сталинград. Окружить все их армии в этом районе и прижать к Азовскому морю. А самим выйти к Днепру и захватить плацдармы на его западном берегу. Освободить три десятка городов, и главный среди них — Харьков. Вот какой план!

— Здорово! — оценил этот замысел Шубин. — Я был в Сталинграде, участвовал в окружении группировки Паулюса. Тогда мы смогли, почему бы сейчас не повторить?

— Да, почему бы не повторить, если противник слаб? — отозвался полковник Лебедев. Он тоже встал из-за стола и присоединился к стоявшим возле карты Попову и Шубину.

— Да, если противник слаб... — повторил генерал слова своего начальника штаба и чему-то усмехнулся. — Теперь смотри, Шубин, какая боевая задача стоит непосредственно перед на-

шей танковой группой. Мы должны, используя плацдармы на западном берегу Оскола, нанести удар на участке от Изюма до Славянска, занять эти города, а затем развивать наступление дальше на юго-запад. Задача — дойти вот сюда, до Лозовой, а затем и до Запорожья. Дойти и занять этот город!

— Хороший план! — снова одобрил Шубин. — Тут ведь что важно, как я понимаю? То, что можно будет перейти Днепр по льду, закрепиться на том берегу. Здорово! А моя задача, как я понимаю, — разведать немецкие силы на пути нашего наступления?

— Да, ты угадал. И тут не было бы ничего сложного, если бы не одно обстоятельство...

Генерал еще раз взглянул на карту, а затем отошел от нее, прошелся по комнате.

— Обстоятельство вот какое, Шубин, — вновь заговорил Попов. — Меня смущает поспешность немецкого отступления. Никогда еще за полтора года войны немцы так себя не вели. Они всегда цеплялись за каждый клочок земли, не отдавали ничего просто так. Почему же они теперь ведут себя иначе?

— Так ведь силы у них кончились, Маркиан Михайлович, — поспешил ответить на этот вопрос командующего его начальник штаба. — После разгрома под Сталинградом у Гитлера больше нет резервов и моральный дух немецкой армии

тоже упал. Вот они и бегут, ничего тут странного нет.

— Да, вот и генерал Ватутин, командующий Юго-Западным фронтом, то же самое говорит, — кивнул Попов. — Дескать, нечего нам на противника оглядываться. Были немцы, да все вышли. А я не верю, что они вышли! Ведь недооценка противника — огромная ошибка. К тому же мой разведчик Коля Еремин незадолго до своего ранения взял одного важного языка и тот показал, что в немецкой армии ходят слухи о скором прибытии резервов. Откуда должны прибыть эти резервы, пленный не знал. Но сами слухи меня встревожили. Вот почему я решил, что мне срочно необходим надежный разведчик. Такой разведчик, который может выведать все вражеские секреты. Так что уточняю твою боевую задачу, Шубин. Тебе нужно не просто узнать, как быстро немцы отступают. И не только выведать, где они намерены остановиться и строить новый оборонительный рубеж. Главное, что ты должен узнать, — это секретные планы врага. Какие резервы должны к немцам подойти? Откуда? И не устраивает ли он нам ловушку? Вот твоя задача. Понял?

— Да, Маркиан Михайлович, понял, — твердо ответил Шубин. — Я с вами полностью согласен: недооценивать немцев нельзя. Я вот сам недавно

их недооценил — и в результате попался в немецкую ловушку. С трудом ноги унес, а несколько моих товарищей погибли. Так что я теперь ученый.

— Это там ты капитанскую форму на чужую сменил и в звании себя понизил? — усмехнулся Попов.

— Так точно, там, — признался Шубин.

— Ладно, это беда небольшая, форму мы тебе найдем, — пообещал генерал. — Тем более прямо сейчас она тебе не понадобится. Ведь в немецкий тыл ты в парадной форме не пойдешь...

— А когда мне на задание отправляться? — спросил разведчик. — Надо бы несколько часов для подготовки: карту получше изучить, оружие подобрать, место присмотреть, где фронт переходить... Так что лучше всего было бы отправляться к немцам завтра.

— Нет, Шубин, насчет завтра не получится, — покачал головой Попов. — Завтра мы уже должны выступить, весь корпус. Мы и так отстаем: ведь наши соседи, Воронежский фронт, уже три дня бьют немцев северней Харькова. Так что отправляться тебе надо сегодня ночью. А насчет оружия, снаряжения и всего прочего ты не беспокойся: все, что нужно, мы подберем. И место перехода покажем. Это все сделает заместитель твоего предшественника, Петр Мельник. А ска-

жи: ты один на задание пойдешь или лучше с напарником?

— Вообще-то я предпочитаю в одиночку действовать, — признался Шубин. — Но ведь теперь мне придется на большую глубину в немецкий тыл проникать, верно?

— Да, желательно разведать территорию до самого Запорожья, — кивнул Попов. — А это около трехсот километров.

— Триста километров — большое расстояние, — сказал разведчик. — Надо будет раздобыть какой-то транспорт, обеспечить устойчивую передачу данных вам... Так что тут, пожалуй, мне без помощника не обойтись.

— Вот и я так подумал, — согласился генерал. — Кого же назначить тебе в помощники? Был бы здесь Коля Еремин, он бы вмиг кого-то из своих посоветовал. А так...

— А давайте мы ему этого самого Петра Мельника и выделим, — предложил полковник Лебедев. — Он опытный разведчик. К тому же, как я знаю, по-немецки говорит...

— А вот это очень полезно! — оживился Шубин. — Я сам по-немецки неплохо говорю, и на заданиях знание языка очень помогает. Но напарника, который тоже бы понимал язык врага, у меня до сих пор не было. А ведь если напарник тоже говорит по-немецки, действовать в тылу врага нам будет проще.

— Так-то оно так... — сказал Попов, с сомнением качая головой. — Только некоторые качества Петра меня смущают...

— А что такое? — встревожился Шубин. — Что не так с этим Петром? Может, он пьет много? Или команд не слушает?

— Команды не очень слушает, это есть, — подтвердил командующий. — А вот насчет алкоголя — этого за ним не замечено. Но я о другом говорю. Какой-то он несерьезный, этот Петр. Вечно шутит, балагурит...

— Но ведь делу его веселье не мешает? — уточнил Шубин.

— Да вроде нет, — ответил полковник Лебедев. — Во всяком случае, его командир, Еремин, на него не жаловался.

— Ну и мне его юмор не помешает, — уверенно сказал Шубин. — Пусть шутит сколько душе угодно. И вот еще какой вопрос: сколько сроку вы нам отпускаете на выполнение этого задания? К какому числу я должен его выполнить?

— Да, это важный вопрос, — согласился генерал. — Значит, смотри. Сегодня у нас первое февраля, почти уже второе, полчаса до полуночи осталось. Утром наша группа выступает, атакует противника по всему фронту. Пока что мы это делаем, еще не имея от тебя никаких разведанных. Но уже к завтрашнему вечеру я эти данные хочу получить. Так что срок тебе для докла-

да первых сведений, Шубин, сутки, даже меньше. А потом... Потом — как получится. До Запорожья тебе придется добираться не меньше двух дней. Так что оттуда я жду от тебя известий четвертого, даже, возможно, пятого. Ну а потом можете с Мельником возвращаться. А может, и возвращаться не придется: там, на месте, нас дождетесь. Связь будешь поддерживать по рации, вот непосредственно с Егором Трифоновичем. Больше вопросов нет? И хорошо, что нет. Значит, ты все важное на лету схватываешь. Ступай, и удачи тебе, Шубин!

ГЛАВА 2

Из здания штаба Глеб вышел в сопровождении все того же лейтенанта Соколова. Тот слышал весь разговор, стоя в дверях, и теперь поглядывал на Шубина по-другому: с уважением, как на человека, получившего ответственное задание.

— Да, трудное задание вам дали, товарищ капитан, — заметил он. — Я даже и не припомню, чтобы кому-то такое поручили: разведать путь для целой танковой группы, включающей три армии.

— Да ничего особенного тут нет, — скромно ответил Шубин. — Задание как задание. А мы сейчас куда путь держим?

— В разведотдел нашей группы, — объяснил Соколов. — Мне же надо вас с вашим напарником познакомить.

Они миновали несколько зданий и вошли в совсем низенький, невзрачный домик, больше похожий на сарай. В окнах домишки было темно, и Шубин решил, что там все спят, придется будить. Однако когда они вошли, миновали

прихожую и открыли дверь в комнату, то попали в ярко освещенное помещение. Тут горели сразу две лампы: одна, самая яркая, под потолком и еще одна — в изголовье кровати, на которой лежал какой-то человек в солдатской, как показалось Шубину, форме. А окна снаружи оставались темными, потому что изнутри были закрыты плотными шторами.

Человек на кровати не просто лежал: он занимался делом, которым не часто занимаются на фронте, — читал какую-то книгу. Увидев, что кто-то вошел, он поднял глаза от книги и взглянул на вошедших.

— Здорово, Петр! — приветствовал его Соколов. — Вот, знакомься: это твой новый начальник, капитан Шубин. Только что генерал Попов назначил его командиром разведгруппы.

Человек на кровати отложил книгу и встал. Сделал он это без поспешности, но и без демонстративной ленцы: выполнил требования воинского Устава как положено, но подобострастия перед новым командиром не выказал. Это понравилось Шубину. В общем, понравилось ему и лицо его заместителя и напарника. Лицо было какое-то мальчишеское; на вид Петру Мельнику нельзя было дать больше двадцати лет. Усы у него только начали пробиваться. Этот мальчишеский облик дополняли голубые глаза и светлые волосы. В то же время Шубин отметил запов-

шие щеки, морщины на лбу. Нет, его заместителю и напарнику было никак не двадцать: Шубин оценил его возраст лет в двадцать пять.

— Что ж, здравствуй, Петр, — сказал он, протянув своему будущему напарнику руку.

Понравилось Шубину и рукопожатие Мельника: вопреки мальчишескому облику оно было крепким, как у самого Шубина.

— А вас как звать, товарищ капитан? — спросил лейтенант. — А то ведь, если будем вместе на задания ходить, неудобно будет все время вот так величать: «товарищ капитан»...

— Это верно, так неудобно будет, — согласился Шубин. — Звать меня Глеб. А насчет задания, тут ты в самую точку попал: нам с тобой прямо сейчас надо отправляться на задание, причем задание это исключительной важности. Нам надо будет разведать немецкие тылы на всем пути наступления наших войск.

— Это куда же надо дойти — неужели до Изюма? — с интересом спросил Мельник.

— Нет, не до Изюма, — ответил Шубин. — Это ты мелко берешь. Надо приучаться к другим масштабам, Петр. Нам с тобой поручено произвести разведку немецких тылов до самого Запорожья.

— Ничего себе! — воскликнул лейтенант. Глаза его округлились от удивления, в то же время в них загорелись веселые огоньки при мысли

о необычном задании. — Неужели прямо до Днепра пойдем?

— До самого Днепра, — подтвердил Шубин. — Если мне не веришь, вот тебе Соколов скажет.

— Да, Петр, так все и есть, — подтвердил адъютант командующего группой. — Генерал сказал, что глубина вашей разведки — триста километров.

— Ай да мы! — восхищенно произнес Мельник и покрутил головой. — Вот так задание! А когда выступать?

— Когда? Да прямо сейчас, — ответил Глеб. — То есть сегодня ночью. А вот где переходить линию фронта и что брать с собой — это во многом решать тебе. Ты здешнюю обстановку лучше меня знаешь. Так что давай собираться.

— Что ж, собираться так собираться, — сказал Мельник.

Веселость с его лица исчезла, уступив место деловитому, серьезному выражению. Он на секунду вернулся к койке, на которой лежал, взял книгу, которую читал. Шубин успел заметить, что это был сборник стихов Сергея Есенина. Мельник убрал книгу под подушку, достал из-под койки мешок с вещами.

— Как одеваться будем, Глеб? — деловито спросил он. — Офицерская форма в немецком тылу не особо нужна. Лично я предпочитаю хо-

дить на задания в теплых штанах и телогрейке. Эту форму я сейчас и надену. А ты как?

— Я бы тоже предпочел что-нибудь попроще, — сказал Шубин. — Только где достать такую одежду?

— Как где? У нас на складе, — ответил Мельник. — Коля Еремин, наш командир, создал при разведотделе целый склад. Там и одежда разная есть, и оружие, и две рации имеются. Пойдем, я тебе все это хозяйство покажу.

— Ну, я вижу, я вам больше не нужен, — заметил Соколов. — В таком случае пойду прилягу. Завтра будет трудный день.

Соколов ушел, а двое разведчиков отправились на склад. Здесь действительно хранилось многое, что требовалось во время рейдов в тыл врага — от одежды и оружия до фонарей, карт, компасов и блокнотов. Шубина особенно заинтересовала немецкая военная форма. Здесь ее имелось несколько комплектов. Он присмотрелся к двум комплектам: один был лейтенантским, другой — капитана вермахта. И капитанская форма была как раз того размера, который подходил Шубину.

— Знаешь, Петр, — сказал разведчик, — я, пожалуй, возьму вот эту одежду. Хотя на всякий случай захвачу и валенки. Все-таки сейчас февраль, морозы стоят. Пока будем от фрицев далеко, я в валенках похожу. А как пойду к ним

на свидание, офицерские сапоги обую. Как ты думаешь?

— Но форму можно и там, за линией фронта, добыть, — заметил Мельник. — Фрицев там много, бери любого и снимай с него.

— Это, конечно, верно, но займет время, — сказал Шубин. — А его у нас с тобой мало. Генерал Попов требует, чтобы завтра к вечеру я отправил ему первое донесение. Так что я переоденусь здесь. И тебе, кстати, советую так же поступить.

И Шубин, сняв с себя форму лейтенанта, стал облачаться в немецкую форму капитана. Мельник стоял в раздумье, наблюдая за его действиями.

— А если мне немецкий мундир надевать, то какое звание себе присвоить, как ты считаешь? — спросил он.

— Я так полагаю, что два офицера, бродящие по снежным полям, могут вызвать у немцев удивление, — сказал Шубин. — Правильней тебе будет одеться рядовым. То есть ты будешь как бы при мне. Может, денщик или вестовой... Кстати, а документы у вас на складе есть?

— Слушаюсь, господин капитан! — уже по-немецки ответил Глебу Мельник. — Так точно, господин капитан! Документы имеются, и для тебя, и для меня. Вот, смотри: капитан вермахта Пауль Гангут из Кёльна, командир пехотной роты. Это, значит, ты. А вот и мои бумаги:

рядовой этой роты Вальтер Файнхальс. Так что я переодеваюсь.

И он тоже переоделся в немецкую форму, только рядового. Затем разведчики стали собирать снаряжение. Не забыли ничего: взяли пистолеты «вальтер», запас патронов к ним, шесть штук гранат, рацию, компас, карту, ракетницу, запас продуктов на два дня... Сборы заняли больше часа. Наконец все было готово. Шубин взглянул на часы: шел третий час ночи.

— Что ж, теперь надо решать, где будем переходить линию фронта, — сказал он. — У тебя есть какие-то соображения на этот счет?

— Тут никаких особых соображений не нужно, — ответил на это Мельник, — потому что линии фронта как таковой нет. Ты же слышал: немцы удирают не останавливаясь, даже не пытаются рыть окопы, минировать поля. Можно направляться в их тыл в любом месте, где понравится. Тут важно не где переходить фронт, а где мы хотим оказаться в немецком тылу. Какая у нас легенда? Кого мы будем изображать? Офицера, потерявшего в ходе отступления свою часть, и его последнего солдата?

— Нет, такая легенда нам совершенно не годится, — ответил Шубин. — Офицер, потерявший в ходе отступления всю свою часть, будет рассматриваться как дезертир, со всеми вытекающими последствиями. Я глазом не успею морг-

нуть, как окажусь в тюрьме. Ну а тебя на фронт пошлют. Нет, легенда у нас будет другая. Я послан из штаба фельдмаршала фон Манштейна на передовую, чтобы изучить положение дел. Изучить положение, узнать, в чем нужда, и донести эту информацию до штаба группы «Юг».

— Точно! Отличная легенда! — воскликнул Мельник. — Это позволит нам собирать нужные сведения на совершенно законных основаниях. Нас ведь и правда за этим послали — изучить положение дел. Только командир у нас другой... Так... Если мы говорим, что приехали из Запорожья, то нам надо появиться в немецких частях, прикатив с запада. Значит, надо незаметно пересечь расположение ближайших немецких частей, углубиться в их тыл как можно дальше, а затем повернуть и прибыть, допустим, в Изюм уже с запада. Так пойдет?

— Пойдет, — кивнул Шубин. — Но для этого нам с самого начала потребуется транспорт. Мотоцикл, а еще лучше машина.

— Что ж, значит, будем искать машину, — кивнул Мельник. — Стало быть, нам надо находиться ближе к трассе. Допустим, нужно выйти на шоссе Изюм — Славянск и там искать нужный транспорт. Такой план подходит?

— Вполне, — кивнул Шубин. — Считаю, что мы согласовали план на весь сегодняшний день. Как пройти к этому шоссе, знаешь?

— Конечно знаю, — ответил Мельник. — Эту часть немецкого тыла я уже изучил. Ну что, идем? А точнее, едем?

— Как это — едем? — удивился Шубин.

— А так. У нас в нашей танковой группе так заведено, что у разведчиков есть своя машина. Она к нашему разведотделу приписана. Так что мы сейчас разбудим водителя Гену, и он отвезет нас до того места, где уже небезопасно, где можно на немцев нарваться. А это довольно далеко. Так что нам не придется топтать два часа, напрасно теряя время.

Так они и поступили. Мельник сходил в соседний дом, разбудил спавшего там водителя Геннадия, тот завел мотор, и спустя десять минут разведчики переехали Оскол и покатали на запад. Ехали они в старой, чиненой-перечиненой машине еще дореволюционного выпуска, которая нещадно дребезжала и все время грозила развалиться на ходу, но все же ехали, а не шли пешком.

Так они проехали, пожалуй, километров двадцать, после чего водитель Геннадий вдруг спросил:

— А не хватит, лейтенант?

Вокруг была непроглядная темень, в которой нельзя было разглядеть никаких характерных примет местности. Но Мельник, однако, как видно, что-то разглядел, потому что ответил:

— Пожалуй, ты прав. Стоп машина. Пора выходить.

Он первым вылез из таратайки, за ним вышел и Шубин. Водитель развернулся и укатил обратно, в Купянск. Когда глаза Шубина привыкли к темноте, он понял, что они находятся в лесистой, сильно изрезанной местности, где было полно оврагов и холмов. Эти места совсем не были похожи на степи, в которых в последние полгода довелось воевать Шубину.

Он определил по компасу направление, вспомнил карту местности, которую знал наизусть, и сказал:

— Нам туда, вон по тому оврагу. Или твое знание местности говорит что-то другое?

— Ничего оно не говорит, — отозвался Мельник. — Я в этом месте всего один раз был. А дальше еще не заходил. Так что тут ты командуй. У тебя, как я понимаю, опыта больше.

Опыта у Шубина и правда было больше, поэтому он не стал возражать. Они подхватили свои мешки и стали спускаться в овраг.

Полтора часа разведчики шли по оврагу, потом выбрались на открытое место, прошли через лес... И когда прошли через него и вышли на опушку, Шубин услышал впереди звук автомобильного мотора.

— А вот и шоссе, — произнес Мельник, который вышел на опушку вслед за Глебом. — Ну что,

капитан, пойдём голосовать? Вдруг кто согласится нас подбросить? Кстати, а нам куда надо: на север или на юг? В Изюм или в Славянск?

— Командование ждёт от нас сведений о ближайшем месте нахождения противника, — ответил Шубин. — Стало быть, нам нужно сначала в Изюм. А потом уже будем двигаться на юг и на запад. Ну а если говорить серьёзно, то нам все равно, в какую сторону идет машина. Ведь мы не собираемся в самом деле голосовать!

— Нет, почему же? — возразил Мельник. — Для начала все же придется помахать руками. Иначе как мы заставим их остановиться? Если мы сразу стрелять начнем, потом в этой машине ехать нельзя будет. Нет, у нас последовательность такая: сначала руками машем, потом стреляем.

И разведчики направились к шоссе. Прячься они не собирались — наоборот, встали так, чтобы их было видно издали. Было еще темно, ночь только еще переходила в утро, и машин на шоссе было мало. Однако оба разведчика были людьми опытными, они привыкли подолгу ждать. Вот и сейчас они топтались на морозе, приседали, размахивали руками, чтобы согреться, и никто из них не жаловался на затянувшееся ожидание.

Первая машина показалась только через полчаса, и шла она на юг, в сторону Славянска.

И к тому же это был грузовик, а на кой он им сдался? Следующая была легковушка, и хотя она тоже шла на юг, разведчики замахали ей руками, призывая остановиться. Однако водитель даже не притормозил.

— Какие они нечуткие, эти поклонники великого фюрера! — пожаловался Мельник. — Видят же, что офицер стоит, мерзнет. Нет чтобы остановиться, поговорить...

— ...лоб под пулю подставить... — в тон ему продолжил Шубин. Он тоже умел поддерживать шутку.

После легковушки некоторое время ехали только грузовики — и на юг, и на север. Видя такое дело, Шубин уже решил плюнуть на идею с захватом легковой машины. «Если в кабине грузовика будет только водитель, без офицера, надо такую машину останавливать, — решил он. — Попросим подбросить до Изюма, а уже там будем искать транспорт. Водитель не станет спрашивать офицера, почему он торчит тут на морозе, откуда он тут взялся».

И едва он принял такое решение и сообщил об этом своему напарнику, как с юга, со стороны Славянска, показалась легковая машина. Шубин шагнул чуть ли не на середину шоссе и властным командирским жестом поднял руку. Такое решительное требование нельзя было не выполнить. И водитель «Опеля» его выполнил. Машина

свернула к обочине и остановилась. Опустилось стекло заднего сиденья, и сидевший там полковник выглянул и спросил:

— Что вы здесь делаете, капитан? Почему стоите на шоссе? Где ваша часть?

Это были совершенно естественные вопросы в такой ситуации. Любой немец должен был их задать. Ясное дело, что никакого разумного ответа на такие вопросы у Глеба не было. Да он и не собирался отвечать ни на какие вопросы. Широко улыбнувшись, он шагнул к машине, склонился к открытому окну и произнес:

— Приветствую вас, господин полковник! Что я здесь делаю? Да вас ждал. Ждал, ждал — и вот дождался!

С этими словами разведчик выставил перед собой пистолет и выстрелил в грудь немца. В ту же секунду Мельник распахнул дверь переднего пассажирского сиденья и выстрелил в водителя. Оба немца были убиты наповал. Разведчики, не сговариваясь, подняли головы, посмотрели направо, налево. Больше машин на шоссе пока видно не было. Тогда, так же молча, не произнося ни слова, напарники полезли каждый в карманы к убитым немцам и стали искать документы. Шубин нашел их сразу, в боковом кармане кителя, Мельнику понадобилось чуть больше времени. Они положили документы, пока не заглядывая в них, в свои карманы. Затем, все так же молча,

вытащили убитых из машины и поволокли в сторону от шоссе.

Разведчикам не нужно было советоваться, обсуждать, что надо делать. Они оба были людьми очень опытными, и каждый знал, как надо поступить в такой ситуации. В первую очередь требовалось избавиться от трупов, потом сесть в машину и возобновить движение. Тогда, если по шоссе проедет еще какая-то машина, сидящие в ней немцы не обратят внимания на стоящий у обочины «Опель» и у них не возникнут ненужные вопросы.

Они стащили трупы в ближайший овражек, наспех закидали их снегом и бегом возвратились к машине. Мельник сел на место водителя, Шубин — на место пассажира, и машина тронулась с места.

— Так, теперь посмотрим, что тут у нас за бумаги... — произнес Шубин, доставая документы убитого полковника. — Так, полковник танковых войск Курт Вессель... Какой частью командует, здесь не сказано. Имеет награду — «Железный крест»... А у тебя что?

— На, возьми посмотри, — сказал Мельник, передавая напарнику бумаги. — Я еще не смотрел.

Глеб развернул солдатскую книжку водителя и прочитал:

— Рядовой второго полка сорок восьмой танковой дивизии вермахта Себастьян Курц. Наград нет, никаких пометок больше нет.

— И хорошо, что нет, — отозвался Мельник. — У меня, правда, уже есть документы, я их из нашей папки в разведотделе взял. По тем бумагам я — рядовой Вальтер Файнхальс. Но эти бумажки, на имя Курца, я тоже сохраняю. Мало ли что — может, пригодятся. Слушай, а может, тебе нужно было твоего полковника из мундира вытряхнуть, а мундир себе взять? Стал бы ты полковником Весселем. К тебе гораздо больше было бы уважения... Смотри, если передумаешь, мы еще можем вернуться — отъехали недалеко...

— Ага, конечно! — отозвался Шубин. — Скажешь еще — «больше уважения»! Откуда мы знаем, где стоит часть этого полковника и какая это часть? Скорее всего, она в Изюме и стоит, и он в нее возвращался. Приехали бы мы в Изюм, глянули бы на меня сослуживцы господина Весселя и очень бы удивились: чего это их командир так помолодел? А даже если бы я не встретился с его сослуживцами, все равно эта легенда не годится. Ну какой из меня полковник? Слишком молод. Нет, лучше я останусь капитаном Паулем Гангутом, как и намечал. Я уж и биографию этого Гангута наизусть выучил.

После этого в машине надолго установилось молчание. Шубин задремал — надо было хоть немного поспать перед трудным днем; а Мельник выполнял свои водительские обязанности. Но

вот впереди показались первые здания Изюма, и Мельник спросил:

— Куда в городе поедем?

Шубин ответил в ту же минуту, словно и не спал:

— Ясное дело, в штаб. Ведь я посланник фельдмаршала Манштейна, мне нужно получить точную и свежую информацию. А где можно получить такую информацию? Только в штабе.

— Штабе чего? Какой воинской части?

— Не важно. Все равно какой. Как только въедешь в город, спросишь у первого же встреченного солдата, где здесь штаб. Заодно узнаем у него, какие части здесь стоят. Может быть, тут несколько штабов расположено.

— Понял вас, герр капитан! — ответил Мельник, входя в роль исполнительного немецкого рядового. — Будет выполнено!

ГЛАВА 3

Они миновали мост через Северский Донец, и дорога пошла в гору. Изюм, расположенный у слияния двух рек — Донца и Оскола, — был местом не только живописным, но и крайне важным со стратегической точки зрения. И понятно, почему генерал Попов и в целом командование Юго-Западного фронта так стремились овладеть этим пунктом. Отсюда можно было развивать наступление как на юг, вдоль Северского Донца, на Славянск и далее на Сталино, так и на запад, в сторону Днепра.

На улицах было полно немецких солдат. Вообще складывалось такое впечатление, что местных жителей в городе не осталось — видно было только немцев. Правда, большая часть этих солдат куда-то спешила, почти бежала, так что у Мельника не возникало желания их о чем-то спрашивать.

Наконец, завидев немолодого солдата, который никуда не спешил, Мельник остановился возле него и спросил, как проехать к штабу.

— А к какому штабу вам нужно? — уточнил рядовой.

— А какие штабы здесь сейчас есть? — в свою очередь спросил Мельник.

— Вон там, дальше по главной улице, расположен штаб сорок восьмой танковой дивизии, — начал объяснять рядовой. — А на том конце города есть штаб двенадцатой механизированной дивизии. Вам кто нужен?

Мельник, в свою очередь, обернулся к Шубину и громко, чтобы слышал немец, спросил:

— Господин капитан, какой штаб нам нужен?

— Разумеется, танковый, Вальтер! Как ты плохо соображаешь! Нам нужен штаб сорок восьмой танковой дивизии.

— Ну, тогда вам недалеко, — сказал рядовой. — Минут через десять езды будет ваш штаб, аккуратно на правой стороне.

Машина двинулась дальше и действительно спустя несколько минут остановилась перед двухэтажным зданием из красного кирпича. Над входом развевался нацистский флаг, в здание входили и выходили люди. Казалось бы, Шубину тоже надо было спешить внутрь, однако он не торопился.

— Слушай, Петр, — сказал он Мельнику, — пойди поболтай вон с теми солдатами, что стоят в стороне. Постарайся у них узнать, кто командует этой сорок восьмой дивизией, кто там началь-

ник штаба, как зовут командиров полков. А потом вернешься и мне расскажешь, что узнал.

— Ну да, понимаю, — кивнул Мельник. — Если ты приехал сюда прямо от Манштейна, то ты обязан знать имя командира дивизии и его подчиненных. Сейчас пойду, сделаю за тебя всю твою работу.

Разведчик вышел из машины и направился к группе солдат, на ходу доставая пачку сигарет. Подойдя, он попросил прикурить и протянул пачку немцам — берите, мол, угощайтесь. Спустя минуту, попыхивая сигаретой, Петр Мельник втянулся в солдатскую беседу.

Разговаривал Петр долго — минут пятнадцать, не меньше. Шубин уже начал злиться из-за задержки. Но вот кого-то из участников разговора позвали к машине, другому тоже надо было уйти, и кружок распался. Мельник вернулся к «Опелю», сел на свое место и заявил:

— Ну, я все узнал. Командир сорок восьмой дивизии — генерал-майор Клаус Аппель. Начальником штаба у него барон Иоганн фон Бюдов — по словам солдат, жуткий придира и зануда. И я узнал имена двух командиров полков. Вторым полком командует Генрих Шварц, а третьим — Зигфрид Мюллер. О первом полке речь как-то не зашла, а мне было неудобно спрашивать.

— А что ты вообще там так долго торчал? — не мог не высказать свое недовольство Шубин.

— Так ведь это не допрос, господин капитан, — наставительно заметил Мельник. — Тут ни о чем нельзя прямо в лоб спрашивать. Все можно узнать только исподволь. А такой разговор требует много времени. Но у такого способа сбора сведений есть и свое преимущество: в разговоре о новой кастелянше да о злом фельдфебеле, который солдатам проходу не дает, вдруг можно услышать нечто важное...

— И что ты услышал? — нетерпеливо спросил Шубин. — Говори, не тяни!

— Услышал я вот что, — сказал Мельник. — Солдаты говорят о каких-то резервах, о большом соединении, которое должно подойти к ним со дня на день. Только спорили, откуда это соединение пришлют. Одни говорили, что из Северной Африки, что это танкисты Роммеля, а другие были уверены, что эти части придут из Польши. Вот какие сведения.

— Да, это информация важная, — согласился Шубин. — Однако пора и мне идти, свои разговоры вести.

Он снял валенки, в которых ходил все утро, натянул офицерские сапоги. На голову надел фуражку с высокой тульей. Еще раз осмотрел себя в автомобильное зеркало, поправил отвороты кителя — и вышел из машины.

Держась необычайно прямо и надменно, разведчик поднялся на крыльцо, открыл дверь и во-

шел в здание штаба. Здесь у входа во внутренние помещения стоял часовой. Он еще не успел остановить незнакомого офицера, спросить его, кто он такой, как Шубин, опередив его, властным и твердым тоном спросил:

— Как мне пройти к господину генерал-майору Аппелю? У меня к нему срочное дело от фельдмаршала.

Он нарочно не стал произносить имя Манштейна — в группе армий «Дон», недавно переименованной в «Юг», все и так знали имя командующего. Шубин говорил только самое нужное, всем своим видом показывая, что он из тех, кому некогда вести долгие разговоры. Он хотел произвести на часового и на всех немцев, с которыми ему сегодня еще придется встретиться, нужное впечатление.

И он его произвел. Часовой не стал спрашивать у незнакомого офицера его имя. Он вытянулся по стойке «смирно» и ответил:

— Кабинет господина Аппеля находится на втором этаже, господин капитан.

Шубин еле заметно кивнул в ответ и направился к лестнице. Так, никем не остановленный, он дошел до приемной командующего сорок восьмой дивизией. Там его остановил адъютант генерал-майора, который спросил, кто он такой.

— Я капитан Гангут. Прибыл из Запорожья по личному приказу фельдмаршала Манштейна